

Ольховиков Константин Михайлович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры интегрированных
маркетинговых коммуникаций и брендинга
Уральского федерального университета

Ольховикова Светлана Валерьевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии
и социальных технологий государственного
и муниципального управления
Уральского федерального университета

МИФОЛОГИЯ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация:

Статья посвящена актуальным аспектам будущего в современной России, отраженным в зеркале мифологического мышления. Реконструкция мифологических структур понимания будущего в равной степени актуальна для публичной коммуникации и повседневного мышления. Обращение к мифологическим основаниям социальных представлений и установок открывает новые возможности изучения общественного сознания, которые недоступны количественным методологиям. Реальная жизнь в трансформации социального мифа особенно актуальна для России, поскольку позволяет увидеть принципиальные моменты для построения новых стратегий исследования духовной жизни. При этом существенное представлено исключительно в масштабе собственных фрагментов. Миф как способ организации социальной жизни в современном мире утратил целостность и многие практические формы воплощения, но продолжает жить в сознании человека, актуализируя архетипы Героя, Вождя и Учителя, мифологемы Пути и Справедливости. Представления о будущем являются смыслообразующим фактором жизни человека любой эпохи. Конструирование новых мифов есть источникобретения новых жизненных смыслов.

Ключевые слова:

мифология, мифологическое мышление, эсхатологические мифы, будущее, актуальная социальная мифология, современная Россия, философия и социология мифа, мифологема Героя, мифологема Пути, мифологема Справедливости

Oikhovikov Konstantin Mikhailovich

D.Phil, Professor,
Department of Integrative
Marketing Communications and Branding,
Ural Federal University

Oikhovikova Svetlana Valeryevna

PhD, Associate Professor,
Department of Sociology
and Social Technologies of Public Administration,
Ural Federal University

MYTHOLOGY OF FUTURE IN MODERN RUSSIA

Summary:

The paper deals with actual aspects of future in modern Russia that are reflected in the mirror of mythological thinking. The reconstruction of mythological structures of future understanding is equally actual for public communication and quotidian thinking. Addressing the mythological foundations of social representations and attitudes opens new research opportunities in sphere of social consciousness that are unattainable for quantitative methodologies. Real life in the transformations of social myth is urgent for Russia, as it allows to discern principal moments for building up new research strategies in the sphere of spiritual life. Meanwhile the essentials arrive only piecemeal. Myth as a way to organize social life in the modern world has lost integrity and proper practical forms of realizing, while retaining positions in modern human consciousness, actualizing archetypes of Hero, Leader, and Teacher, mythologems of Way and Justice. The representations of future are sense-generating factor for human life in every epoch. New senses are reached by constructing new myths.

Keywords:

mythology, mythological thinking, eschatological myths, future, actual social mythology, modern Russia, philosophy and sociology of myth, mythologem of Hero, mythologem of Way, mythologem of Justice

---

На своем поле как подпольщики...

Александр Башлачев. Время колокольчиков

Образ будущего в современном общественном сознании. Тема будущего представлена как в сознании граждан, так и в исследованиях современной отечественной культуры, включая социологические [1]. Вместе с тем важно уделить внимание образу и конфигурации будущего в актуальном общественном сознании как единице мифологической по сути. Ибо наша жизнь, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «всегда связана с будущим, от настоящего момента мы всегда устремлены к грядущему, ничто не важно для человека, если не направлено в будущее» [2,

---

* Статья выполнена в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала» № 18-011-009076 РФФИ.

с. 147]. Это проявляется на разных уровнях и в различных аспектах сознания индивидов. Непосредственными, востребованными в современных массовых коммуникациях жанрами оказываются рубрики «будущности», обозначаемые как в «посланиях» публичной власти гражданам, так и в неформальных «чаяниях» граждан, которые связаны с их фактической повседневной жизнью. В целом мифологическая установка присутствует в любых конфигурациях социальной ситуации, при этом зачастую компенсируя потребности людей в мифологическом мышлении через «малые» формы и проявления социальных интересов, мнений, установок.

Эсхатологические мифы как проблема темпорального самоопределения. Социальные ожидания будущего – особая интенция человеческого духа как представление о том, что может или должно произойти. И у индивида, и у общества в целом они всегда эмоционально окрашены, воспринимаются эмоционально напряженно, поскольку демонстрируют проникновение в неосвоенное, неизвестное пространство посредством оценочных суждений. Проблема темпорального самоопределения всегда присутствовала в культуре и традиционно трансформировалась в эсхатологическую мифологию, которая была и остается по сей день надежным способом выразить невыразимое, сформулировать основные жизненные переживания индивида и социальных групп. Однако цикл эсхатологических мифов присущ далеко не всем архаическим культурам. Многие из них ограничивались космогоническими и этиологическими мифами, составляющими главное содержание архаических мифов. Пророчества о конце света, гибели мира, неизбежной в будущем, подготавливаются календарными мифами о смерти и воскресении, загробном мире, силах хаоса, угрожающих космосу и порядку, таким образом вливаясь в мировые монотеистические системы, христианство в особенности. Так формируются представления о космических циклах, поскольку изначально в архаических культурах катастрофы и борьба хаоса и космоса присущи космологическим мифам и лежат в Начале времен. Цикличность мифологического хронотопа отмечали все исследователи мифа: в целом История – это движение от хаоса к космосу, борьба порядка и стихийности [3].

В эмоционально окрашенной логике мифа конец мира – это нарастание хаоса. В германоскандинавском эпосе «Прорицание вёльвы» сообщается о последней битве – Рагнарёке, дне «судьбы богов», которому предшествуют предельное обострение противоречий в мире, моральный упадок не только среди людей, но и среди богов, природные катаклизмы и космические катастрофы [4].

Однако цикличность не исчерпывается мифологическим хронотопом, структурированное пространство будущего – не просто отделение его от чего-либо. В мифе пространство не просто «побеждает» время, но придает ему ряд новых качеств. Это развертывание, динамика, которую задает «стрела развития» или «ось разворота». Неслучайно как в архаических, так и в современных мифологических конструкциях, связанных с будущим, используются мифологемы* [5, с. 141] Порога и Пути.

Социальная эсхатология как структурный элемент национальной мифологии. Мифология будущего является структурным элементом национальной мифологии, наряду с мифологией прошлого, настоящего и мифом о народе и государстве. Содержание социальной эсхатологии отвечает за образы цели и награды за страдания. Говоря о национальной мифологии современной России, следует заметить, что после разрушения советской мифологии она практически отсутствует, претендуя скорее на образ тени советских мифологических конструкций. Проблема в самых простых основаниях, цель не сформулирована, награды нет. При этом как в прошлом, включая советское, так и в настоящем, понимаемом в предельно широком постсоветском смысле, сам народ не склонен формулировать рациональные конструкции самоидентификации. Кроме того, государство, его социальные институты пытаются предлагать рациональные идеологические механизмы, с помощью которых и формируется сакральный уровень идентификации, «общественный миф», «миф о народе». В свое время риторика советской пропаганды выстраивала миф патерналистского государства, который видимым, а значит, для большинства граждан естественным образом опирался на ценности русской общины. В постсоветский период в отношении общества со стороны государства были реализованы попытки озвучить мнение об ущербности такой «иждивенческой» психологии. В противовес этому обозначались более или менее понятные людям образы индивидуализма и предприимчивости. Однако если на Западе психология индивидуализма и личной ответственности подкреплялась гражданскими правами, то в России власть демонстрировала лишь формальную декларацию прав и заводила разговоры о неработающих институтах гражданского социума. Большинство опросов общественного мнения сви-

---

* Термин «мифологема» используется в авторском определении как «мифологический инвариант, смысловой образ, последовательная совокупность индивидуальных образов одного логического смысла».

детельствуют о кризисе доверия населения ко всем социальным институтам, прежде всего к государственным [6]. В то время как без опоры на доверчивое сознание не работает механизм мифологического мышления. Следовательно, в ближайшее время, несмотря на все финансовые вливания в пропаганду, миф государства вряд ли будет создан. При этом без мифа государства невозможно формирование патриотизма и героизма.

В свою очередь, разрушение мифологии прошлого не позволяет осмыслить настоящее и будущее. Поскольку социальная мифология является структурным элементом идентичности, а историческая память – частью коллективных представлений, разрушение социальной мифологии советского периода привело к кризису идентичности целого народа. Образы «Сверхдержавы» и «Великой русской культуры», которая «впереди планеты всей», остались в прошлом и ежедневно подвергаются сомнению в настоящем. Поэтому поиски Пути и Смысла продолжают оставаться отдельными, не потерявшими надежду интеллектуалами, но массовое сознание блуждает впотымах «без руля и ветрил». Многочисленные опросы общественного мнения показывают, что россияне, по словам М. Элиаде [7, с. 130], «испытывают ужас перед историей», лишаящей людей опоры в настоящем и рождающей пессимистические картины будущего. По данным социологов, апокалиптическая позиция вообще преобладает у современных россиян на протяжении последних 30 лет. Традиционно, по сведениям ВЦИОМа, более половины граждан страны смотрят в будущее с тревогой [8], возрастают запросы на перемены в жизни и потребность в справедливости. Востребованность мифологемы Справедливости, ее дефицит в обществе выступают симптомом социальной нестабильности, поскольку в древности, как и в современном мире, миф служит регулятором социальной жизни. Потребность в справедливости есть неудовлетворенность и недоверие к деятельности всех социальных институтов, в первую очередь государственных. Осознание несправедливости выражается в отсутствии законности, свидетельствующем о том, что смутное недовольство перерастает в осознанность требований к власти. В связи с этим социальные протесты последних лет подтверждают, что общество готово к диалогу с властью, но власть эту готовность проявляет редко.

Образы власти в зеркале будущего. Отношение к образам «будущности», направляющим и поучающим, всегда двусторонне: как и кого люди видят «правильным» вождем, как и что себе мыслят представители власти в качестве востребованного послания гражданам? Традиционный пласт образа власти в России связан с азиатским, идущим от Византии, прочтением Бога, а значит, и Власти. Скрытость от взоров, загадочная немногословность, сакральность – так выглядит «избранник Божий» в глазах народа. Следовательно, «настоящая», подлинная власть превосходит обыденное. Она величественна в своей надмировой инаковости; тайна Власти вмещает в себя все смыслы. Правитель – не оратор, он оракул, немногословный небожитель, поднятый над страстями. Действия Власти внезапны, непредсказуемы и мистическим образом отвечают народным ожиданиям. Поэтому Вождь – это олицетворение коллективных желаний (сознательно или бессознательно); Э. Кассирер называл современных политических деятелей общественными прорицателями [9]. Современная политическая жизнь мифологизирована не только в России. Весь XX век прошел под знаменами политических мифов во всем мире, но для массового сознания россиян эта проблема актуальна особым образом ввиду ментальных традиций.

Власть в России переживается тотемистически: в традиционной ментальности Власть и народ осознаются как взаимные отображения друг друга. Тотем выступает воплощением целостности культуры и социальной организации. Власть (Тотем) – объект сопричастности. Народ обретает подлинные смыслы, приобщаясь к Тотему, растворяясь в нем [10]. В данном случае можно говорить о значительной преемственности мифологии Власти в России последних десятилетий: передавая власть В.В. Путину Б.Н. Ельцин в последнем послании уповал на стабильность, прежде всего политическую. Это упование сопровождает все президентские сроки В.В. Путина. Оправдывая ожидания народа, он подкрепляет политическую стабильность стабильностью социальной. Манифестация патриархальной утопии соборной целостности единого, гомогенного общества, в котором нет места конфликту интересов, транслируется через идеологему «духовных скреп» и ценности Русского мира. Механизмом достижения этих ценностей, вероятно, должна стать вновь актуализированная идеологема внешнего врага. Однако распад социального синкретизма задает сегодня совсем иной рисунок общества и культуры, былого единства нет и, по-видимому, не будет. Несомненное приближение запросов современного российского социума к ценностям гражданского общества несет фундаментальные изменения в образе Власти, ее природы, функции и места в обществе.

Повседневные грани мифологии будущего: индивидуальная эсхатология. Наличие бытовых проблем, неустроенность по важнейшим параметрам образа жизни людей лишь усиливают и оттеняют потребность в периодической соотнесенности с будущим. Астрология, чудеса потребительской рекламы новых технологий, «возрождение» народных и религиозных традиций – лишь

малая толика ресурсов, задействованных мифотворческими установками сознания и восприятия в ситуации информационного развития. Современная мифология, как и архаическая, представляет собой кристаллизацию основных жизненных смыслов, осуществляемую через различные формы жизненных представлений, которые лежат за рамками интеллектуального постижения, но вместе с тем предстают как будто вполне осмысленными. Человек живет не только судьбу народа, но и свою собственную, поэтому индивидуальная мифология будущего выступает важной частью судьбы отдельного человека. Безусловно, индивидуальные и надындивидуальные ожидания коррелируют, поскольку исходят из бытующих в обществе представлений о будущем, реализуя принцип понятности как самый желанный результат погружения в актуальный миф. Однако эсхатологический оптимизм социума, базирующийся на архаических представлениях о том, что смерть человечества необходима для его же возрождения, личности безразличен. Так как естественной границей индивидуальных ожиданий является смерть, индивидуальные ожидания ориентированы не финально, а процессуально. Индивидуальная мифология будущего выстраивает индивидуальный горизонт прогноза, тем самым придавая смысл этому будущему и побеждая страх смерти. Поэтому социальная эсхатология свойственна цикличности, а индивидуальной – линейности [11].

Выстраивая персональное будущее, человек соотносит его с мифологемами Пути и Героя. Мифологема Героя – это Путь человека к своим смыслам, поиски моральных ориентиров в будущем, освоение пространства будущей жизни. При этом Герой – центральная фигура мифологии прошлого, задающая вектор будущего всему народу. Обладая огромной коллективной привлекательностью, мифологема Героя вызывает потребность в проекции и идентификации. С помощью героических мифов каждая общность формирует в себе черты героических характеров, проецируя на героев то, чем она не обладает, но очень бы хотела сформировать в себе [12]. При этом позиционирование личности в ее собственном жизненном пути оказывается чрезвычайно уязвимым, демонстрируя готовность эмпатии общностным установкам и смыслообразам. Символически героические мифы отражают путь человека к сознанию [13], исторически и генетически – путь ребенка и подростка к взрослости. Сражаясь с демонами и чудовищами, Герой проходит Путь от материнского дома, Путь инициации и взросления. Возвращение домой – Путь служения социуму. Таким образом, Путь Героя – это способность не только преодолевать и преобразовывать, но и любить и приносить себя в жертву.

Особый поворот в понимании мифологического мышления задает информационная цивилизация. Современный человек, живущий во Всемирной сети, все больше склонен к отказу от авторитетов. Дж. Холлис считает, что за последние 100 лет произошел отказ от соотношения своего мировосприятия с мнением авторитетов, возникла необходимость поиска собственной внутренней опоры [14].

Мифологема Героя является центральной для построения не только индивидуальной эсхатологии, но и национальной мифологии в целом. Поэтому безгероичность современной эпохи – еще одно доказательство и симптом упадка национального духа и национальной мифологии, поскольку герои должны действовать во имя чего-либо, героизму должно быть воздаяние в будущем. И.А. Ильин писал, что народ объединяет мифология, наличие одних и тех же героев и образов, одинаково оцениваемых разными поколениями [15]. Опросы СМИ показывают, что разные поколения имеют настолько различных героев, что зачастую даже не понимают, о ком идет речь. Одной из глобальных целей Героя должно быть восстановление Справедливости. Однако если ощущение дефицита Справедливости нарастает, то, очевидно, время Героев грядет. Ни власть, ни народ не самодостаточны в плане способности возрождения «героических» смыслов, но вакансия эта обозначена для всех участников общественной жизни и появление «героеподобных» конфигураций на поле актуальной публичной коммуникации неизбежно. Вопрос лишь в том, что без каких-либо внятных смыслообразов этого рода также невозможно и более или менее внятное прояснение образа будущего, без которого социальной и культурной системе грозят неотвратимое поражение, деструкция.

Перспективы мифологии будущего в современной России. Для современной России характерна риторика обнаружения некоего подлинного исконного смысла, подхватывания традиций и представлений из любых предшествующих исторических ситуаций, без особой разборчивости их смысловой мировоззренческой и идеологической укорененности. Поскольку мифология будущего является узловым моментом любой национальной мифологии, то здесь всплывает разнородная вереница образов и представлений, парадоксально влияющих и на сознание граждан страны. В целом, однако, содержание этой мифологии оказывается жизнеспособным по мере того, как оно отвечает на потребность обладания образами цели и награды за страдания. В пространстве повседневных жизненных ценностей психологический, а значит, и политический контакт возможен только на языке их ожиданий, что требует предельной конкретизации образа будущего.

Однако даже малоэффективные с точки зрения ожиданий власти механизмы мифологического мышления демонстрируют самодостаточность, продолжая пребывать в качестве поддерживающей и смыслообразующей конструкции массового обыденного сознания. При этом тема будущего, даже не будучи удовлетворительно проясненной для обыденного сознания или внятно сформулированной публично, также включена в арсенал действенных социальных установок и представлений.

Следует обозначить основные качественные индикаторы мифологизации будущего:

- обнаружение себя вне настоящего, но соотнесенность со «славным прошлым»;
- всепоглощающий характер обетований, которые приобретают очертания доступности, т. е. конкретизация образа будущего на языке ожиданий;
- способность «закреплять» оторванность людей от их наличной ситуации «выпадения» из настоящего.

На фоне этих в целом диффузных проявлений имеет смысл говорить лишь о шансах воспроизводства сценариев, подобных тем, что уже были реализованы в предшествующем социальном опыте. При этом всегда будет обнаруживаться разнородное многообразие, которое лишь совокупно и условно способно компенсировать целостную потребность понимания. Реалистичский прогноз трансформаций мифологии будущего имеет следующий вид:

- мобилизационные установки, приводящие к скорым разочарованиям при столкновении с реальностью;
- гипнотическое воздействие вопреки накапливаемым проблемам в настоящем, обрекающее на конфликты внутри общности сторонников того или иного сценария будущего;
- появление альтернативных традиционным конфигураций понимания и представления будущего, которые также оказываются ненадежными.

Заключение: об актуальных перспективах исследования мифологии будущего. Очевидно, что разрушение государственного мифа лежит в основе всякой революции: на волне уничтожения имперского мифа государства пришли к власти большевики, советского мифа – Б.Н. Ельцин. Актуальная официальная власть на протяжении нынешнего столетия пытается реконструировать миф государства посредством выстраивания «вертикали», апеллируя к традиции централизованного «сильного» государства. Однако уязвимым местом официальной государственной мифологии остаются отношения с собственным народом. Слабость официального мифа о государстве провоцирует дальнейшую борьбу мифологических конструкций. Действующие эсхатологические мифы в России демонстрируют поиски Пути, Правды и Справедливости. Данные мифологемы востребованы современным общественным сознанием. Катастрофическое сознание, смещение оси Золотого века во времена СССР, социальные катаклизмы регионального и мирового масштаба не освящены метаисторическим смыслом и великой Целью. Застывшее в ситуации отложенного стратегического выбора государство безнадежно идеологически пробуксовывает. Поэтому закономерным итогом сегодняшнего дня является неспособность предложить социальные и исторические перспективы целому народу. В начале 2021 г. российское общество демонстрирует настроение по принципу «купи козу» – пусть все станет как до «коронавирусной эпохи». Однако и этого утешения не будет: лозунг «Мир никогда не станет прежним» прочно вошел в сознание не только россиян.

Социальные мифы обладают высокой степенью ситуативности, благодаря этому они в большой степени вариативны и вариативны в отличие от классических архаичных мифов, обладающих высоким индексом инвариантности. Возникает своеобразная амбивалентность современных мифологем, когда инвариантный код их прочтения в целом ясен, но предстает как никоим образом не соотнесенный с актуальными контекстами бытования социального мифотворчества, что и ведет к преобладанию двух векторов исследовательской интерпретации современных мифов: 1) кодификация и декодификация посредством обнаружения исходных (по сути, утраченных) смыслов; 2) актуализация непосредственных форм проявления мифа не только как способов существования, но и существа этих новых мифов.

Ссылки:

1. 2021 год: ожидания россиян [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2020. 31 дек. URL: <https://www.levada.ru/2020/12/31/2021-god-ozhidaniya-rossiyan> (дата обращения: 02.02.2021).
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 114–155.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990. С. 393–600; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995. 239 с.
4. Самарин Д.А. «Прорицание вёльвы» как феномен скандинавского мифологического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86), ч. 1. С. 45–48. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.10>.
5. Ольховикова С.В. Историческое своеобразие мифа в зеркале современной науки и философии : монография. Екатеринбург, 2013. 177 с.

6. Доверие политикам [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2020. 12 нояб. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/12/doverie-politikam-6> (дата обращения: 02.02.2021).
7. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. 144 с.
8. Итоги 2019-го: события, люди, оценки, ожидания от 2020-го [Электронный ресурс] : аналитический обзор // ВЦИОМ. 2019. 26 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2019-go-sobytiya-lyudi-oczenki-ozhidaniya-ot-2020-go> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
10. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. М., 1993. 287 с.
11. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология : монография. Орел, 2011. 193 с.
12. Кэмпбелл Дж. Мифический образ / пер с англ. К.Е. Семенова. М., 2002. 683 с. ; Хьюбнер К. Истина мифа : пер. с нем. М., 1996. 448 с.
13. Леви-Строс К. Путь масок / пер. с фр., сост. А.Б. Островского. М., 2000. 399 с. ; Юнг К.Г., Франц М.-Л. фон, Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / пер. С.Н. Сиренко и др. М., 1997. 367 с.
14. Холлис Дж. В поисках божественной обители: роль мифа в современной жизни / пер. с англ. В. Мершавки. М., 2008. 191 с.
15. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. 462 с.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович